

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства.— Извѣстія.

15-го октября № 20 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали сообщенное при вѣдѣніи Правительствующаго Сената за № 15254, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о правилахъ относительно принятія и оставленія иностранцами русскаго подданства. Приказали: Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о правилахъ относительно принятія и оставленія иностранцами русскаго подданства принять къ свѣдѣнію и руководству, и напечатать потребное число экземпляровъ сего мнѣнія, разослать оное при указахъ въ Московскую и Грузино-Имеретинскую Синодальныя Конторы, Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Главнымъ Священникамъ Гвар-

дейскихъ и Гренадерскихъ Корпусовъ, также Арміи и Флотовъ, для свѣдѣнія, и должнаго, въ чемъ до кого касаться будетъ, исполненія, и передать во все отдѣленія Синодальной Канцеляріи, сообщивъ при выпискѣ и въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Іюля 13 дня 1864 года.

По указу Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенное Господиномъ Исправляющимъ должность Оберъ-Прокурора Княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ, отъ 31-го минувшаго мая за № 3541, въ спискѣ отношеніе Г. Главнотачальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ за № 724, коимъ въ предупрежденіе возможныхъ недоразумѣній или ошибокъ просить сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы мѣста духовнаго вѣдомства, состоящія въ сношеніяхъ съ Консистоіею Камчатской епархіи, непременно означали на отправляемыхъ туда пакетахъ: «городъ Благовѣщенскъ, на Амурѣ». И по справкѣ Приказали: Въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній или ошибокъ дать знать для надлежащаго исполненія, по всему духовному вѣдомству печатными указами, чтобы въ сношеніяхъ съ Консистоіею Камчатской епархіи непременно означали на отправляемыхъ туда пакетахъ: «городъ Благовѣщенскъ, на Амурѣ.» Іюля 1 дня 1864 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ

Епархіальнаго Начальства.

Его Преосвященство, Преосвященный Нектарій, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій 10-го августа сего 1864 года, далъ Консистоіи слѣдующее предложеніе: «изъ

дѣлопроизводства по Консистоіи между прочимъ усматривается, что по предмету денежнаго взысканія за врачеваніе въ здѣшней больницѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія больныхъ лицъ изъ духовнаго званія здѣшней епархіи возникаетъ въ случаѣ несостоятельности ихъ продолжительная переписка, обременяющая Епархіальное Начальство и обыкновенно оканчивающаяся тѣмъ, что уплата за врачеваніе ихъ падаетъ на кошелевную сумму той церкви, при которой они въ послѣднее время состояли на службѣ, хотя бы это служеніе было и кратковременно и хотя бы суммы и нужды той церкви и не позволяли подобнаго расхода. Въ видахъ доставленія лицамъ духовнаго званія болѣе свободнаго и безпрепятственнаго доступа въ больницу Приказа Общественнаго Призрѣнія и въ видахъ прекращенія означенной переписки, предлагаю Консистоіи войти въ сужденіе и представить мнѣ свое заключеніе о томъ, — не можетъ ли духовенство Нижегородской епархіи удѣлять изъ своихъ лептъ на излеченіе въ больницѣ своихъ собратій, подвергающихся болѣзнямъ и по бѣдности своего состоянія не могущихъ уплачивать за врачеваніе и содержаніе свое въ больницѣ; — священники напр. копѣекъ по 10, діаконы по 5, причетники по 2½, въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма, составляющаяся изъ такихъ пожертвованій, была въ вѣдѣніи духовнаго попечительства и ведена была особою статьею съ надлежащею отчетностію, ежегодно объявляемою духовенству чрезъ епархіальныя вѣдомости. Пожертвованія въ означенномъ количествѣ ни для кого не будутъ обременительны, — между тѣмъ изъ этихъ копѣекъ составлялась бы сумма, достаточная на покрытіе означеннаго расхода, — и болящіе братіе здѣшняго духовенства будутъ имѣть возможность съ спокойнымъ духомъ обращаться за лечебными пособіями въ здѣшнюю больницу и не будутъ имѣть ни малѣйшей нужды или оставаться безъ всякихъ медицинскихъ пособій, или обращаться къ сомнительной помощи самозванныхъ знахарей.» Духовная Консистоіа, по выслушаніи сего предложенія, Приказали: принимая съ одной стороны во вниманіе, что многія церкви вовсе не

имѣютъ кошельковой суммы, что оказалось на самомъ дѣлѣ по предмету выписки Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, — въ другихъ кошельковая сумма хотя и есть, но едва оной достаесть на необходимыя церковныя потребности, и съ другой, что для священнослужителей удѣленіе изъ своихъ лептъ на излеченіе въ больницы собрать, подвергающихся болѣзнямъ и по бѣдности своего состоянія не могущихъ уплачивать за врачеваніе и содержаніе свое въ больницы, — тѣхъ копѣекъ, какія изложены въ предложеніи Его Преосвященства, обременительнымъ быть не можетъ, — Консисторія полагаетъ предложеніе Его Преосвященства объявить, чрезъ припечатаніе въ Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, священно-и-церковнослужителямъ, чтобы благочинные таковыя деньги въ началѣ каждаго года доставляли въ Нижегородское Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, о чемъ оно и увѣдомить; но прежде представить о семъ къ Его Преосвященству на архипастырское благоразсмотрѣніе.

На семъ Его Преосвященство резолюцію 17-го октября положилъ: «утверждается».

Секретарь Нижегородской Духовной Консисторіи Василій Громовъ, въ августѣ сего года, вошелъ въ Консисторію съ докладомъ, въ коемъ изъяснилъ слѣдующее: «Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, при посѣщеніи Консисторіи замѣтя разныя лица, толпящіяся въ сѣняхъ, спрашивалъ, что это за люди и отъ чего такъ много бываетъ народа здѣсь? — и получа отвѣтъ, что есть здѣсь и священноцерковнослужители, просящіе мѣсть и исключенные ученики изъ семинаріи и училищъ и другаго званія люди, приходящіе въ Консисторію для справокъ по своимъ дѣламъ, или для свиданія съ служащими и лицами временно сюда приходящими, рекомендовалъ, для устраненія сего, сдѣлать распоряженіе о назначеніи, для имѣющихъ надобность до Консисторіи, дней и часовъ, когда они могутъ приходить въ Консисторію для справокъ

по своимъ дѣламъ, а не толпиться здѣсь постоянно во время присутствія въ праздности и попусту». Нижегородская Духовная Консисторія, по выслушаніи сего доклада, Приказали: Дабы священно-и-церковнослужители, просящіе мѣсть, а равно и исключенные ученики изъ семинаріи и училищъ и другаго званія люди, приходящіе въ Консисторію для справокъ по своимъ дѣламъ, или за полученіемъ какихъ либо распоряженій изъ Духовной Консисторіи, или для свиданія съ служащими, или по другимъ какимъ либо причинамъ имѣющіе надобность быть въ Консисторіи, не толпились напрасно по нѣсколькимъ часамъ каждодневно въ сѣняхъ Консисторіи, назначить 1-й и 2-й часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ которые имѣющіе надобность до Консисторіи могутъ приходить для справокъ по своимъ дѣламъ и по другимъ причинамъ въ Консисторію, и для свѣдѣнія о семъ распоряженіи — припечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а въ сѣняхъ Консисторіи повѣсить на стѣнѣ, при входѣ, печатное о семъ объявленіе. Но предварительно представить о семъ Его Преосвященству на архипастырское благоразсмотрѣніе.

На этомъ мѣѣни Консисторіи Его Преосвященство 17 сентября положилъ такую резолюцію: «утверждается съ тѣмъ, чтобы сіе было приведено въ исполненіе на время, «въ видѣ опыта, до усмотрѣнія, будетъ ли удобно сіе «для Консисторіи и не будетъ ли стѣснительно сіе для «духовенства, особенно для пріѣзжающихъ въ Нижній на- «рочно, по дѣламъ».

ИЗВѢСТІЯ.

1. О ВОЗВЕДЕНІИ ВЪ САНЪ.

Настоятель Керженскаго Благовѣщенскаго Единобѣрческаго монастыря, Игуменъ Тарасій возведенъ въ санъ Архимандрита 13 августа.

Настоятельница Осиновскаго Единобѣрческаго монастыря, Инокія Минодора возведена въ санъ Игуменіи 13-го августа.

Иеродіаконъ Аркадій архіерейскаго дома рукоположенъ въ санъ Иеромонаха 13 августа.

2. О ПОСТРИЖЕНІИ ВЪ МОНАШЕСТВО.

По представленію Его Преосвященства, указомъ Святейшаго Синода отъ 17 августа за № 3549, на основаніи Духовнаго Регламента и Высочайше утвержденныхъ въ 29 день мая правилъ, разрѣшено постричь въ монашество послушниковъ монастырей: Нижегородскаго Благовѣщенскаго Артемія Дроздова, Троицкаго Островоезерскаго Алипія Воскресенскаго и Городецкаго Феодоровскаго Ивана Николаева 1-го сентября.

3. ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ.

Благочинный Арзамасскаго уѣзда, села Панова священникъ Александръ Любимцевъ отъ должности Благо-

чиннаго, по прошенію его, уволенъ и на мѣсто его опредѣленъ исправляющимъ должность Благочиннаго села Архангельскаго (Кобылино тожъ) священникъ Феодоръ Архангельскій 14 іюля.

4. О НАГРАДАХЪ НАБЕДРЕННИКАМИ.

Арзамасскаго Спасскаго монастыря Казначей Иеромонахъ Анатолій награжденъ набедренникомъ 1-го сентября.

Села Покрова, Княгининскаго уѣзда, священникъ Андрей Крыловъ за честную долговременную службу награжденъ набедренникомъ 8-го апрѣля.

Арзамасскаго уѣзда, села Кузмина Усада, священникъ Николай Никольскій награжденъ набедренникомъ 9 апрѣля.

Ризничій Нижегородскаго Печерскаго монастыря Иеромонахъ Ефремъ награжденъ набедренникомъ 25 апрѣля.

Села Шпилева, Княгининскаго уѣзда, священникъ Николай Казанскій награжденъ набедренникомъ 8-го мая.

5. О ПРЕПОДАНИИ БЛАГОСЛОВЕНІЯ СВ. СІНОДА.

Св. Правительствующій Синодъ, вслѣдствіе представленія Его Преосвященства, Преосвященнаго Нектарія, 2-го октября сего 1864 года постановилъ: Арзамасскому 1-й гильдіи купцу Дмитрію Попову, за пожертвованіе имъ, на исправленіе ветхаго монастырскаго корпуса подъ Арзамасское училище 300 р. сер., преподать благословеніе Св. Синода.

6. ОБЪ ИЗЪЯВЛЕНИИ АРХИПАСТЫРСКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ И ОДОБРЕНІЯ.

Священнику Василю Ласточкину села Маресева, что на Руднѣ, Лукояновскаго уѣзда, за усердное служеніе церкви объявлена архипастырская благодарность, со внесеніемъ сего въ послужный списокъ, 7-го августа.

Села Погорѣловки, Княгининскаго уѣзда, священнику Платону Малицкому, за усердную службу, изъявлено одобреніе Епархіальнаго Начальства, со внесеніемъ сего въ послужный его списокъ.

Е. В. Выходятъ 1 и 15 Цѣна въ редакціи 4 р., а съ числѣмъ каждаго мѣсяца. доставкою 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской духовной семинаріи.

Дозволено цензурой. 22-го Октября 1864 года Цензоръ Каеодраальный протоіерей Константинъ Миловиловъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ

СОДЕРЖАНІЕ: Св. Іоанна Златоустаго о томъ, что добродѣтъ жизни лучше дара чудотворенія. — Образцовая жизнь и непрерывное самообразовавіе, какъ главныя условія для вліянія на прихожанъ. — Записка по поводу отчета Арзамасской публичной духовной библіотеки.

Св. отца нашего Іоанна Златоустаго о томъ, что добродѣтельная жизнь лучше дара чудотворенія (*)

Вамъ, можетъ быть, хотѣлось бы видѣть такія знаменія, какія творили апостолы, проповѣдуя евангеліе? Хотѣлось бы быть свидѣтелями очищенія прокаженныхъ, изгнанія бѣсовъ, воскресенія мертвыхъ? Но вы самымъ яснымъ образомъ доказываете и свое благородство и свою любовь къ Богу, когда вѣрите Ему, не имѣя отъ Него никакихъ залоговъ. И вотъ почему Богъ не творитъ нынѣ знаменій. Впрочемъ есть и другая тому причина. Если нынѣ, когда не совершаются знаменія, люди, имѣющіе какое нибудь, можетъ быть, даже мнимое, превосходство предъ своими собратіями, отличающіеся на примѣръ краснорѣчіемъ, или набожностію, тщеславятся, надмѣваются и заводятъ другъ съ другомъ распри, то гдѣ бы не было

(*) Заимств. изъ 33 бесѣды на еванг. Маттея.

раздѣлений, когда бы еще и чудеса совершались? И что сказанное мною—не пустая догадка, въ томъ могутъ увѣрить Коринѳяне (1 Кор. 1, 11), между которыми именно отъ сего возникло множество сектъ.

И такъ ищи не знаменій, но здравія душевнаго. Не домогайся быть свидѣтелемъ воскресенія какого нибудь одного мертвеца, когда знаешь, что нынѣ вся вселенная воскресаетъ. Не желай быть очевидцемъ прозрѣнія какого нибудь слѣпца, когда видишь, что нынѣ всѣ получаютъ прозрѣніе и лучшее и полезнѣйшее; научись смотрѣть на все окомъ здраваго смысла, исправь зрѣніе твое. Если бы мы всѣ жили такъ, какъ должно, то язычники удивлялись бы намъ гораздо больше, нежели чудотворцамъ. Ибо знаменія не рѣдко бываютъ подозрительны, иногда почитаютъ ихъ призракомъ, или производятъ отъ злаго духа; хотя такія подозрѣнія и неимѣютъ мѣста касательно нашихъ чудесъ. Напротивъ того непорочное житіе не боится подобной клеветы; добродѣтель заграждаетъ уста всѣхъ порицателей. И такъ будемъ объ ней пещись: она великое богатство и большое чудо. Она доставляетъ истинную свободу, и даетъ ее ощущать въ самомъ рабствѣ, не освобождая отъ рабства, но содѣлывая живущихъ въ рабскомъ состояніи почтеннѣйшими людей свободныхъ; а это гораздо больше значить, нежели дать свободу. Не даетъ она также сокровищъ бѣдному, однако, оставляя его въ бѣдности, содѣлываетъ довольнѣйшимъ всякаго богача. Если же тебѣ хочется и знаменія творить, то освободись отъ грѣховъ, — и твое желаніе исполнится. Ибо, возлюбленный, грѣхъ—великій демонъ! Если изгонишь его изъ себя, то содѣлаешь гораздо больше того, что дѣлаютъ изгоняющіе тмы демоновъ изъ другихъ. Послушай, что говоритъ ап. Павелъ, — и онъ добродѣтель предпочитаетъ чудесамъ: ищите лучшихъ даровъ, говоритъ онъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій (1 Кор. 12, 31). Когда же сталъ показывать имъ сей путь, то не упомянулъ ни о воскресеніи мертвыхъ, ни объ очи-

щеніи прокаженныхъ, ни о другомъ чемъ либо подобномъ, но вмѣсто всего этого поставилъ любовь. Послушай, что и Христосъ говоритъ: не радуйтесь, яко души вамъ повинутся, радуйтесь же, яко имена ваша написана на небесѣхъ (Лук. 10, 20); и предъ этимъ еще: мнози рекуть Миѣ во онъ день, не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ, и силы многи сотворихомъ: и тогда исповѣмъ имъ, яко николи же знахъ васъ (Матѳ. 7, 22—23). И предъ своимъ распятіемъ, призвавъ учениковъ, Онъ говорилъ: о семъ разумѣютъ вси яко мои ученицы есте, не отъ того, если будете изгонять бѣсовъ, но—аще любовь имате между собою (Іоан. 13, 35). И еще: разумѣютъ вси, яко Ты Мя послалъ еси, не отъ того, если ученики Мои будутъ воскрешать мертвыхъ, но—если будутъ едино (Іоан. 17, 23). Знаменія иногда другому доставляли пользу, а тому, кто творилъ ихъ, причиняли вредъ, надмивъ его гордостію, или тщеславіемъ. Напротивъ отъ добрыхъ дѣлъ нельзя опасаться ничего подобнаго: они полезны и тѣмъ, которые творятъ ихъ и другимъ многимъ.

Итакъ будемъ творить добрыя дѣла со всѣмъ раченіемъ. Если ты изъ жестокосерднаго сдѣлался милосерднымъ; то ты—изцѣлилъ сухую руку. Если, оставивъ театръ, сталъ ходить въ церковь; то ты выпрямилъ хромую нѣгу. Если ты отвратилъ взоръ свой отъ блудницы и чуждой красоты; то ты даровалъ прозрѣніе слѣпымъ очамъ. Если вмѣсто сатанинскихъ пѣсней, ты изучилъ духовныя пѣснопѣнія; то ты, нѣмой, заговорилъ. Вотъ чудеса величайшія! Вотъ знаменія несбычайныя! Если мы будемъ творить такія знаменія; то и сами содѣлаемся людьми великими и дивными, и всѣхъ порочныхъ привлечемъ къ добродѣтели, и насладимся будущимъ блаженствомъ. Да сподобимся всѣ получить свое, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому принадлежитъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Образцовая жизнь и непрерывное самообразование, какъ главные условія для благотворно-пастырскаго вліянія на прихожанъ.

(Окончаніе).

Любезенъ въ очахъ Божіихъ, драгоцѣненъ для церкви и вождельно-поучителенъ для паствы тотъ священникъ, котораго жизнь представляетъ живой образецъ строгой христіанской нравственности. Намъ извѣстны старички—сельскіе священники, кончившіе курсъ семинаріи лѣтъ сорокъ тому назадъ, которые вели и ведутъ приходскія дѣла такъ, что у нихъ могли-бы поучиться и нѣкоторые священники нынѣшняго образованія. Прихожане этихъ стариковъ любятъ и уважаютъ, каждое ихъ слово, каждое наставленіе принимаютъ для себя за законъ, не отпадаютъ отъ православія въ расколъ, между тѣмъ какъ окружающіе приходы или переполнены раскольниками или наполняются ими. Главнымъ секретомъ такого могущественнаго вліянія старичковъ—священниковъ на прихожанъ служитъ ихъ добрая, безукоризненная, благочестивая, честная жизнь, соединенная съ простою, но нравственно—вѣскою, всегда искреннею и всегда направленною къ духовной пользѣ прихожанъ, рѣчью. Еще лучше приходскія дѣла идутъ у тѣхъ пожилыхъ священниковъ, которые съ доброю жизнью соединяютъ серьезное и прочное образованіе. Причина понятна: въ сношеніяхъ священника съ прихожанами бываетъ множество такихъ случаевъ, гдѣ образованный священникъ найдетъ сообщить прихожанамъ нужное свѣдѣніе, дать приличное объясненіе, дѣльный совѣтъ, благоразумное наставленіе, а необразованный принужденъ будетъ ограничиться молчаніемъ. Но и удовлетвориться образованіемъ, вынесеннымъ изъ семинаріи, какъ бы хорошо оно ни-было усвоено въ лѣта воспитанія, для священника—опасно. Школа—не въ состояніи надѣлать молодыхъ людей полнымъ запасомъ жи-

выхъ практическихъ свѣдѣній на пол-вѣковой, а иногда и большій срокъ сельско—пастырской дѣятельности. Школа, относительно жизни, руководствуется потребностями уже выработавшимися и опредѣлившимся совершенно, потребностями, которыя въ свое время были жизненны, но которыя съ теченіемъ времени могутъ и терять свое значеніе, потому что жизнь постоянно движется впередъ, то и дѣло подчиняется новымъ условіямъ; пастырь обязанъ понимать эти условія и для прихожанъ, на случай спроса, и для себя въ тѣхъ видахъ, чтобы въ явленія приходскаго быта, вызываемыя новыми условіями жизни, вливать духъ православно—христіанскаго направленія. Поэтому пастырь, остановившійся на вынесенномъ изъ семинаріи образованіи, можетъ стать въ такое положеніе къ прихожанамъ, что не будетъ имѣть на нихъ успѣшнаго вліянія.

Независимо отъ пракческаго долга—вѣдать всѣ стороны и потребности виѣшняго приходскаго быта,—само образованіе требуютъ отъ сельскаго священника и важное значеніе его сана, и его отдѣльность, а иногда и удаленность отъ губернскаго города, и даже тяжесть его матеріальнаго положенія. Объяснимся.

Высокій санъ пастырства имѣетъ важное значеніе. Удостоиваемый его поставляется въ руководители другихъ на пути жизни и спасенія, получая для своего труднаго дѣла, превышающаго обыкновенныя, самыя счастливыя силы человѣка, особенную божественную благодать. Руководителю другихъ необходимо и день и ночь быть на стражѣ собственной исправности и благовременнаго и искуснаго бдѣнія надъ ввѣренными ему душами. А это требуетъ постояннаго уясненія взглядовъ на предметы, касающіеся и судьбы самаго руководителя и судьбы руководимыхъ имъ. требуетъ постояннаго ученія. Если гдѣ, то въ отношеніи къ пастырскому званію имѣетъ полное зна-

чение правило: «вѣкъ живи—вѣкъ учись», и—«учись», прибавимъ, «все съ большею и большею настойчивостію». Потомъ, особенная благодать, сообщаемая пастырю въ рукоположеніи, какъ и всякая чрезвычайная божественная сила, обнаруживается въ немъ лишь въ такой мѣрѣ, въ какой самъ пастырь позволяетъ ей обнаруживаться большимъ и большимъ очищеніемъ и возвышеніемъ своего ума, воли и сердца. А это опять, и еще сильнѣе, требуетъ самообразования, саморазвитія, самоулучшенія. Вотъ почему св. ап. Павелъ писалъ Тимоѳею—въ одномъ мѣстѣ: *не ради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ, еже дано бысть тебѣ пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества* (1. 4, 14), и—въ другомъ: *вспоминаю тебѣ возирвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2. 1, 6)! Если пастырь не будетъ возгрѣвать въ себѣ благодатнаго дара рукоположенія непрерывнымъ самообразованиемъ, онъ можетъ дойти до такого состоянія, что сила іерейской благодати, обильно излившаяся на него при рукоположеніи, будетъ дѣйствовать только въ отправленіи богоустановленныхъ священнодѣйствій, а для личныхъ его поступковъ и пастырскихъ приемовъ останется закрытою, устранился отъ этихъ поступковъ и приемовъ на все время пастырской невнимательности къ себѣ, пастырскаго равнодушія къ продолженію, расширенію и одушевленію своего образования, и однако будетъ ожидать случая—обнять весь кругъ дѣятельности священника, какъ скоро онъ путемъ настойчиваго самообразования и самоисправления, путемъ самоусовершенствованія сдѣлаетъ себя способнымъ къ тому. Такъ зерно, упавшее на сухую землю, не даетъ ростка, но тотчасъ дѣлается травкой, если земля будетъ смочена дождемъ; такъ стебель истощается и вянетъ, когда жаръ лишаетъ его освѣжительныхъ соковъ, но быстро поливетъ, ярко зеленѣетъ и роскошно созрѣваетъ, когда снова будетъ получать питательную влагу! Благодать рукоположенія—это жизненное зерно; пастырь—земля; его личное отношеніе къ собственному прызвенному усовершенствованію для проникновенія своей дѣятельности

благодатными силами есть совокупность стихійныхъ условій для произрастанія зерна.

Священникъ городскій, даже и не заботящійся о самообразованіи, имѣетъ случаи пополнять свои свѣдѣнія и встрѣчать побужденія къ усовершенствованію своей пастырской дѣятельности въ столкновеніяхъ съ представителями и дилетантами губернской, духовной и свѣтской интеллигенціи. Сельскій священникъ обыкновенно или отдѣленъ отъ города, т. е. хотя живетъ въ приходѣ, близкомъ къ городу, но, по роду своего служенія, крѣпко привязывающаго къ мѣсту, не имѣетъ возможности входить въ тѣсныя сношенія съ людьми, причастными городской интеллигенціи,—или такъ удаленъ отъ города, что побываетъ въ немъ развѣ только по какому нибудь особенному дѣлу, на примѣръ по суду, или съ дѣтьми, иногда—разъ лѣтъ въ 10—20. Привычка къ своему замкнутому мѣсту, потеря сочувствія къ вопросамъ текучей жизни и науки, обремененіе матеріальными нуждами, отсутствіе возбудительныхъ встрѣчь, постепенный переходъ отъ духа своего долга къ одной внѣшней формѣ: все это вмѣстѣ можетъ довести священника до того, что онъ забудетъ и то, что зналъ въ семинаріи, опустится умственно, перестанетъ разбирать себя и свои воступки—«огрубѣетъ и обмужичится», какъ выражаются сами священники. Для устраненія этой бѣды, не допускаемой идеаломъ пастырства, но возможной на практикѣ, самообразование представляетъ вѣриѣйшую мѣру. Какъ бы ни были удовлетворительны свѣдѣнія, вынесенныя священникомъ изъ семинаріи, они служатъ только подготовленіемъ къ жизни въ приходѣ, съ которою для священника начинается новая, настоящая и труднѣйшая школа. Цѣлую жизнь надобно употребить священнику, да и той будетъ мало на то, чтобы изучить общее настроеніе и частные характеры своихъ прихожанъ, чтобы опредѣлить и устранить или невыгодныя стороны или ошибки своей дѣятельности, чтобы подмѣчать зараждающіяся въ себѣ и истреблять на

корню, или захватывать во время и сдавливать уже развившіяся слабости, чтобы прочесть полный кругъ богослужебныхъ книгъ, чтобы утвердить въ памяти и разработать въ сознаниіи для сообщенія народу кругъ предметовъ вѣроученія и нравоученія, чтобы внимательно просмотрѣть всѣ сочиненія, старыя и новыя, какія только могутъ найтись при самой отдаленной отъ города, самой глухой приходской церкви. Если священникъ только это будетъ дѣлать, — и тогда онъ не впадетъ въ эту механическую, безсознательную жизнь, о которой говорятъ: «день да ночь — сутки прочь»; и тогда онъ сохранитъ свѣжесть мысли и бодрость духа, которыя съ каждымъ днемъ будутъ приносить ему и новыя умственные открытія и новыя силы для энергической пастырской дѣятельности и новыя стремленія для внутренняго торжества надъ гнетущими обстоятельствами и надъ кажущейся безвыходной пустотой и скукой грустно — уединеннаго положенія.

А такое настроеніе священника, поддерживаемое умственнымъ трудомъ, не дастъ ему упасть нравственно подъ бременемъ бѣдности, сохранитъ въ немъ сознание своего личнаго достоинства и при крайнемъ недостаткѣ матеріальномъ. Священникъ, не перестающій работать умственно въ доступныхъ его положенію размѣрахъ, не струситъ, ради своего грубаго платья, передъ богатымъ чиновникомъ или знатымъ бариномъ. Онъ, какъ исполняющій обязанности своего высокаго призванія не по одной формѣ, а и по духу, собственнымъ сердцемъ почувствуетъ, что не даромъ мыслящіе люди уважаютъ древняго философа, который, не имѣя никакой собственности, серьезно говорилъ: «omnia mecum porto». Здѣсь мы невольно возвращаемся къ одному изъ прежде сдѣланныхъ замѣчаній. «Священники наши такъ скромны, такъ уклончивы, боязливы, тихи и покорны: бѣдность и униженіе ихъ заѣдаютъ»... Сущая правда. Но здѣсь мы выскажемъ предположеніе, которое едва ли не выше сомнѣнія, предположеніе, что лично — нравственною причиною уклон-

чивости и боязливости священниковъ при столкновеніяхъ съ лицами другаго званія, особенно вліятельными, служить не столько ихъ бѣдность, сколько — сознание своей умственной отсталости. У священниковъ есть и умъ, образованіе ихъ почитенно; но умъ ихъ спалъ десятки лѣтъ, образованіе ихъ осталось почти въ одномъ пріятномъ воспоминаніи: и вотъ, при встрѣчѣ съ чиновнымъ міряниномъ, тѣмъ болѣе вліятельнымъ, и еще болѣе образованнымъ, священникъ сжимается всего болѣе отъ того, что съ стыдомъ сознаетъ внутренно свою умственную несостоятельность, опасается обнаружить свое невѣдѣніе о многихъ вещахъ, извѣстныхъ почти каждому мало — мальски образованному человѣку данной поры, чтобы не посрамить своего сана, тайно уважаетъ вліятельнаго мірянина болѣе себя. Это дѣлаетъ честь прежнему образованію нашихъ священниковъ: это показываетъ, что они понимаютъ, что много потеряли, не поддержавъ его. Но это же даетъ право заключить, что священникъ, продолжающій свое умственное образованіе, живо сознающій свои обязанности, непрерывно по силамъ изучающій соприкосновенные съ ними предметы, не съезжится, не унизится передъ вліятельнымъ чиновникомъ или бариномъ: такой священникъ будетъ понимать, что, какъ чиновникъ дѣлаетъ свое дѣло и имѣетъ отъ этого дѣла большія средства, такъ и онъ дѣлаетъ свое дѣло, и, можетъ быть, гораздо добросовѣстнѣе чиновника, но получаетъ за свое дѣло скудное вознагражденіе! Тутъ поводъ къ уваженію себя и въ бѣдномъ платьѣ, а отнюдь не къ трусливому, возбуждающему насмѣшку, стѣсненію. Есть же бѣдные священники, которыхъ съ удовольствіемъ приглашаютъ къ себѣ богатые и истинно — образованные землевладѣльцы, люди съ значеніемъ и съ фамиліей, съ которыми эти люди пріятно и душевспасительно проводятъ время, которыхъ они уважаютъ, какъ отцовъ духовныхъ, не различая, стары они или молоды; есть бѣдные священники, къ которымъ съ почитеніемъ относятся уѣздные чиновники, не смотря на ихъ нищенство сравнительно съ своими средствами и обстановкой. Какіе это священники? Тѣ, которые не за-

мыкаются въ свои тяжелыя нужды, которые, мужественно перенося эти нужды и трудолюбиво стараясь облегчать ихъ усиленною дѣятельностію по должности и по личнымъ, достойнымъ пастыря занятіямъ, читаютъ, размышляютъ, слѣдятъ за литературой духовной и свѣтской, поддерживаютъ въ себѣ благородно—юношескія стремленія къ общему благу и къ личному самоусовершенію, вынесенныя изъ семинаріи, учатся и послѣ школы, развиваются подъ вліяніемъ собственнаго желанія и собственныхъ усилій.

Мы нечувствительно назвали нѣкоторые изъ отправленій пастырскаго самообразования. Остановимся пока, на одномъ первомъ, именно на чтеніи. Св. ап. Павелъ въ одномъ мѣстѣ своего посланія предписывалъ Тимоѳею: *доидеже прииду, внемли чтенію* (1. 2, 13), хотя въ другомъ мѣстѣ прямо признаетъ его *измлада умьющимъ священная писанія, могущая умудрити въ спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Исусѣ* (2. 3, 15). Постоянное чтеніе—лучшая охрана добрыхъ навыковъ священника,—вѣрнѣйшее средство къ устраненію отъ себя попользовеній къ слабостямъ и самыхъ слабостей. Книги—любозныя и незамѣнимыя умственные спутницы большей части свободныхъ минутъ священника, непрерывно увеличивающія его теоретическую и практическую мудрость. Чтеніе святой книги оживляетъ и укрѣпляетъ вѣру, смягчаетъ страсти, располагаетъ къ добродѣтели; чтеніе дѣльной книги поддерживаетъ умственную дѣятельность, наводитъ на многія добрыя мысли, вноситъ въ сознаніе прежнія лучшія желанія и стремленія, а иногда сообщаетъ душѣ новыя, неизвѣданныя еще, стремленія и желанія. И трудно повѣрить, трудно вообразить, чтобы священникъ, хотя и бѣдный, но постоянно читающій, дошелъ до нравственныхъ недостатковъ, унижающихъ санъ пастырскій. По безпристрастному свидѣтельству самихъ духовныхъ сельскихъ лицъ, на такую несчастную дорогу попадаютъ почти только тѣ изъ священниковъ, которые дав-

но перестали держаться чтенія, какъ средства къ саморазвитію и самоустроенію. Эти и подобныя соображенія даютъ ясно понять, что заставляло св. ап. Павла заботиться о книгахъ, когда на примѣръ, приглашая къ себѣ Тимоѳея, онъ писалъ ему: *грядый, принеси и книги, паче же кожаныя* (т. е. особенно важныя: 2. 4, 13).

Вторымъ отправленіемъ пастырскаго самообразования служитъ размышленіе. Чтеніе поддерживаетъ живую, воспріимчивую къ благимъ впечатлѣніямъ умственную настроенность священника, размышленіе даетъ этой настроенности надлежащее направленіе, при всѣхъ частныхъ случаяхъ личной душевной и общественно—приходской пастырской дѣятельности священника. Размышленіе развиваетъ и дополняетъ свѣдѣнія и уроки, пріобрѣтаемыя священникомъ чрезъ чтеніе, да кромѣ того уясняетъ и раскрываетъ и тѣ стороны пастырскаго долга и пастырскихъ отношеній и столкновеній, на счетъ которыхъ пастырь не имѣетъ предварительно готоваго взгляда и не получаетъ опредѣленныхъ указаній, въ читаемыхъ книгахъ. Отправляясь изъ Ефеса въ Іерусалимъ, св. ап. Павелъ призвалъ къ себѣ Милетскихъ пресвитеровъ, и далъ имъ такое прощальное наставленіе: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ святой постави епископы—пастыи церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею* (Дѣян. 20, 28); потомъ, указавъ на опасности, которымъ имѣла подвергнуться Христова церковь, прибавилъ: *сею ради бдите, поминающе, яко три лѣта ноць и день не престаяхъ уча со слезами единого кождо васъ* (— 31). Эти слова, въ связи со всею рѣчью Апостола Милетскимъ пресвитерамъ, особенно съ тѣмъ мѣстомъ этой рѣчи, гдѣ онъ выясняетъ имъ свое прошлое поведеніе (ст. 33—35), указываетъ и на характеръ и на направленіе пастырскаго размышленія. Размышленіе неразлучно съ пастыремъ на каждомъ шагу его дѣятельности и устремляется пастыремъ на то, чтобы во-первыхъ, поставить свою жизнь поучительнымъ об-

разномъ для пасомыхъ, а во-вторыхъ — чтобы словомъ выработанаго, неутомимаго и всегда благовременнаго учения утвердить пасомыхъ на пути истины, предусмотрительно отстраняя отъ нихъ соблазны и искушенія вѣры и жизни.

Что читать священнику? Беремъ священника, живущаго въ глухомъ приходѣ и, по скудости средствъ, не имѣющаго возможности получать ни одной свѣжей книжки духовнаго и свѣтскаго содержанія, священника, поставленнаго въ положеніе, которое едва ли испытывается хоть однимъ пастыремъ нашей епархіи въ настоящіе дни. Такой священникъ, во первыхъ, каждый день читаетъ нѣчто изъ библіи, всего лучше сряду, по главѣ или по двѣ въ день. Позволяемъ здѣсь спросить: «у многихъ-ли нашихъ сельскихъ священниковъ есть собственныя библіи?.. Во всѣхъ-ли даже церквахъ есть онѣ?». Да поможетъ Богъ каждому священнику неотложно пріобрѣсти для ежедневнаго домашняго чтенія библію, которая одна много можетъ умудрить пастыря во спасеніе самого себя и пасомыхъ! За тѣмъ священникъ читаетъ четь-миней и ежедневныя службы по церковному кругу. Чтеніе четь-миней сблизяетъ священника съ жизнью совершеннѣйшихъ христіанъ всѣхъ временъ, поддерживаетъ въ немъ мужество и даетъ ему возможность никогда не прерывать внутренней связи съ дѣятельною исторіею церкви воинствующей, которой онъ служитъ; чтеніе ежедневныхъ службъ церковнаго круга вводитъ его въ духъ этихъ службъ, въ духъ устанавлиаемаго ими воззрѣнія на жизнь и предметы, въ духъ возбуждаемыхъ ими помысловъ и поступковъ христіанина. Кроме того, чтеніе четь-миней и церковнаго круга даетъ священнику прекрасный матеріалъ для пастырскихъ собесѣдованій съ прихожанами, которыхъ, по требованію религіозныхъ нуждъ, ему приводится видѣть въ будни, на примѣръ — съ имянниками, родильницами, напутствуемыми больными или умирающими, съ присутствующими на крестинахъ, похоронахъ и пр.; это же

снабжаетъ священника и полнотою свѣдѣній и впечатлительною паидательностію для церковныхъ поученій къ православнымъ слушателямъ. Далѣе, священникъ читаетъ тѣ книги духовнаго содержанія, которыя принадлежатъ приходской церкви. А при каждой сельской церкви (за исключеніемъ вновь открываемыхъ) непременно есть значительный составъ печатныхъ проповѣдей и другихъ духовныхъ сочиненій, выписанныхъ въ разныя времена по рекомендаціи начальства. Если припомнить, что труды лучшихъ нашихъ проповѣдниковъ отличаются и глубиною мыслей и подробною оцѣнкою человѣческой жизни и человѣческихъ дѣлъ и понятій по началамъ евангелія и православно—христіанской нравственности, а нѣкоторые изяществомъ или простотою рѣчи, доступною разумнію самыхъ необразованныхъ людей, каковы сельскіе прихожане, то надобно сказать, что чтеніе печатныхъ проповѣдей должно быть особенно интереснымъ предметомъ для пастырскаго ума, должно принести священнику и великую пользу въ дѣлѣ образованія и развитія свободнаго и непринужденнаго, ораторскаго таланта, столь важнаго для служителя церкви. Наконецъ, священникъ читаетъ тѣ руководства, по которымъ онъ изучалъ курсъ семинарскихъ наукъ, особенно богословскихъ. Впрочемъ, здѣсь мы считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя объясненія.

Оканчивая курсъ семинаріи, едвали не всѣ воспитанники навсегда расстаются съ тѣми руководствами и тетрадками, по которымъ они учились, даря ихъ или продавая за деньги своимъ преемникамъ по классу. Можно объяснить это тѣмъ, что, при переходѣ изъ одного класса въ другой, семинаристы не рассчитываютъ на потребность учебниковъ послѣ, а при окончаніи курса тѣмъ менѣе считаютъ ихъ нужными и охотно бросаютъ источники и пособія школьнаго образованія, что они надобли имъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ; но нельзя этого похвалить. Сдѣлавшись священникомъ, очутившись въ глу-

хомъ приходѣ, проживъ на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ и неподалеку отъ города, позабывъ многое, если не все, вынесенное изъ семинаріи, бывшій воспитанникъ семинаріи часто встрѣчаетъ надобность въ прежнихъ школьныхъ руководствахъ, часто дорого бы далъ за какую нибудь тетрадку, чтобы справиться о чемъ нибудь или просто прочитать за неимѣніемъ другаго систематическаго изложенія по какому нибудь предмету знанія. Въ семинаріи воспитанники держатся убѣжденія, что ихъ руководства недостаточны по обработкѣ, но это убѣжденіе принадлежитъ не имъ, а преподавателямъ, которые, восполняя содержание учебниковъ своими объясненіями, иногда дѣлаютъ добросовѣстные указанія на несостоятельность послѣднихъ предъ судомъ строгой науки въ оправданіе своихъ приложений къ утвержденному учебнику. Это убѣжденіе, если оно сознательно и побуждаетъ къ усиленной работѣ надъ изучаемымъ предметомъ по лучшимъ пособиямъ, получаемымъ изъ семинарской бібліотеки или изъ бібліотечекъ частныхъ городскихъ лицъ, умѣстно и полезно въ семинаріи, но оно теряетъ свою силу для всякаго воспитанника, который, оканчивая курсъ, поступаетъ въ сельскіе священники глухаго прихода. Чѣмъ онъ замѣнитъ тотъ полный кругъ руководствъ и лекцій по предметамъ широкаго семинарскаго образованія въ приходѣ, не имѣя лишнихъ денегъ для пріобрѣтенія и одной не дешевой книги? Ничѣмъ! Составъ семинарскихъ руководствъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ поступленія во священники, когда онъ подъ вліяніемъ житейскихъ обстоятельствъ, забудетъ то, что вынесъ изъ школы, послужитъ для него драгоцѣннымъ капиталомъ свѣдѣній, которыхъ получить будетъ ему болѣе неоткуда: много разъ прочтетъ онъ нѣкоторыя изъ нихъ, особенно богословскія, постоянно будетъ обращаться къ нимъ за справками и всегда останется имъ благодаренъ. Эти же самыя лекціи, недостаточныя въ глазахъ спеціально знакомаго съ своимъ предметомъ преподавателя, будутъ для священника, прежняго воспитанника семинаріи, лучшимъ руководствомъ по предмету, когда онъ очутится безъ препо-

давателя; а теоретическая сторона практическихъ богословскихъ наукъ, отзывавшаяся односторонностію въ отношеніи къ молодому человѣку, готовившемуся въ сельскіе священники, теперь во многихъ случаяхъ, при личномъ столкновеніи съ жизнью, съ практикой, окажется для него и полезною и прямо руководительною. По лекціямъ онъ будетъ припоминать лучшіе уроки и совѣты преподавателей, и въ духѣ этихъ совѣтовъ открывать для себя новыя теоретическія и практическія стороны и приемы пастырской дѣятельности; и самая теорія семинарскихъ руководствъ, опредѣляемая школою, оживится для него такъ, что сдѣлается необходимою по другой пастырской практикѣ. Вотъ почему, въ ряду предметовъ пастырскаго чтенія въ глухомъ, замкнутомъ и бѣдномъ приходѣ мы смѣло ставимъ кругъ руководствъ и лекцій полнаго семинарскаго образованія! Вотъ почему каждому воспитаннику, оканчивающему курсъ семинаріи, мы отъ души совѣтуемъ записать кругомъ этихъ руководствъ и лекцій, особенно богословскихъ, чтобы, на случай недостатка другихъ пособій, самостоятельно продолжать свое образованіе, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ же источникамъ, по которымъ оно шло въ школѣ, подъ руководствомъ другихъ! Лучше недостаточныя въ томъ или другомъ отношеніи руководства, чѣмъ никакія! Лучше постоянно держать въ памяти и болѣе и болѣе уяснять себѣ тѣ свѣдѣнія, какія пріобрѣтены въ школѣ, чѣмъ забыть ихъ совершенно и когда нибудь очутиться пастыремъ безъ элементарныхъ знаній по богословію.

Итакъ — біблія, богослужебныя книги, книги церковной бібліотеки и руководства по разнымъ, особенно богословскимъ, предметамъ семинарскаго курса: вотъ что можетъ читать сельскій священникъ глухаго прихода, не имѣющій средствъ ни пріобрѣтать, ни доставать для чтенія на время что нибудь другое! Не правда ли: вѣдь значительный книжный капиталъ? Не правда ли: вѣдь, при недостаткѣ другихъ книгъ, его стало бы священнику на весь вѣкъ служенія?...

Читая указанные книги и размышляя какъ о читаемомъ, такъ и обо всемъ, что касается пастырской дѣятельности, сельскій священникъ будетъ все болѣе и болѣе усовершенствовать и свою жизнь и свою мысль и свое слово, будетъ дѣлаться все лучшимъ и лучшимъ, болѣе и болѣе умнымъ священникомъ. Но должно признаться, что, при чтеніи только означенныхъ книгъ, священникъ неизбежно будетъ чувствовать немаловажные пробѣлы въ дѣлѣ своего самообразования. Уже и то въ самообразованіи по вышеуказаннымъ только источникамъ составляетъ недостатокъ односторонности, что здѣсь священникъ самъ есть и свой безконтрольный учитель: а полагаться только на себя и вездѣ неблагоуразумно, въ служеніи же пастырскомъ—вредно. Мы съ трудомъ замѣчаемъ свои слабости и ошибочные взгляды, и часто остаемся съ слабостями и ошибочными взглядами до гроба, если не встрѣтимъ какого нибудь счастливаго случая, который внесетъ въ наше сознание свѣтлое пониманіе, доселѣ ускользавшихъ отъ нашего вниманія и суда, предметовъ. Есть вещи, которымъ никто не можетъ научить человека, тѣмъ менѣе можетъ научиться иному кто либо самъ, безъ постороннихъ вразумленій. На примѣръ, священникъ можетъ имѣть теоретическое понятіе о пастырской любви и добросовѣстно вообразать, что онъ—полонъ этой любви, а въ то же время быть отъ нея далекимъ. Священникъ можетъ имѣть извѣстное, выработанное представленіе о терпѣніи, самоотверженіи, долгѣ и т. п., можетъ искренно думать, что онъ держится истиннаго пониманія этихъ нравственныхъ требованій, и въ то же время измѣнять и христіанскому терпѣнію и христіанскому самоотверженію и пастырскому долгу. Священникъ можетъ знать, что такое благоговѣніе при священнодѣйствіи и требоисправленіи, что такое степеньность въ поведеніи, достойная пастыря, и увѣрять себя внутренно, что онъ точно слѣдуетъ духу названныхъ качествъ, и однако—мало отвѣчать или нисколько не отвѣчать этому духу. Священникъ, какъ постоянный руководитель своихъ прихожанъ въ дѣлахъ вѣры и жизни, долженъ быть по возможности свѣжъ и современенъ;

т. е. онъ долженъ понимать всѣ новыя явленія и потребности времени и умѣть объяснять ихъ и направлять къ благой цѣли.

По всѣмъ этимъ причинамъ полнота пастырскаго самообразования требуетъ, чтобы священникъ внимательно слѣдилъ за современной, духовной и свѣтской, литературой. Духовная литература будетъ сообщать священнику свѣдѣнія о движеніяхъ по управленію и по жизни въ духовенствѣ, будетъ доставлять ему благовременные и приуроченные къ историческимъ потребностямъ времени совѣты для устроенія личнаго, внутренняго и виѣшняго быта, для обращенія съ паствою, съ заблуждающими, иновѣрными, для проповѣди, устнаго наставленія, для священнодѣйствія, требоисправленія и пр. и пр. Въ свѣтской литературѣ священникъ будетъ находить извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ и общественныхъ явленіяхъ въ жизни гражданской вообще и народной въ частности, будетъ встрѣчать изслѣдованія по отечественной исторіи прошлаго и по разнымъ сторонамъ современнаго народнаго быта. Совмѣстно въ той и другой литературѣ священникъ будетъ изучать текущую, духовную и гражданскую, жизнь и ея потребности, чтобы не терять возможности для пониманія послѣднихъ и для направленія ихъ къ вѣчной цѣли нашего назначенія—къ благочестію и спасенію. Очевидно, мы разумѣемъ литературу періодическую. Но какъ въ свѣтской, такъ преимущественно духовной средѣ могутъ появляться отдѣльныя сочиненія, приобрѣтеніе которыхъ или очень важно или необходимо для ознакомленія священника съ какимъ нибудь предметомъ собственнаго долга или съ какимъ нибудь явленіемъ общественной или народной жизни. Такимъ образомъ, полнота священническаго самообразования требуетъ библіотечки, въ составъ которой входили бы лучшія періодическія изданія духовныя и нѣкоторыя лучшія же свѣтскія, а равно серьезнѣйшія сочиненія отдѣльныя по вопросамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ областью па-

стырскаго знанія и пастырскаго долга. Вотъ почему редакція и прежде рекомендовала и впредь не перестанетъ рекомендовать священникамъ учрежденіе библіотекъ при благочиніяхъ или у надежнѣйшаго изъ своихъ собратьевъ по служенію (какъ будетъ найдено лучшимъ).

Къ слову, мы позволимъ себѣ указать для желающихъ періодическія изданія, которыя, на первый разъ, могутъ быть выписаны сообща нѣсколькими священниками для очереднаго чтенія: «Православное обозрѣніе» (7 р.), «Душеполезное чтеніе» (3 руб. 50 коп.), «Руководство для сельскихъ пастырей» (5), «Странникъ» и «Духъ христіанина» (по 3) — изъ духовныхъ; «Русскія вѣдомости» (3), «Народная бесѣда» (2) — изъ свѣтскихъ. Передача журналовъ и книгъ однимъ священникомъ другому въ нашей, густо населенной, епархіи очень удобна. Въ большей части уѣздовъ нашей губерніи село отъ села отстоитъ на $\frac{1}{2}$ —6 верстъ: ничего не стоитъ прочитавшему священнику переслать № или книгу къ сосѣду—священнику. Потомъ, передача можетъ происходить на базарахъ, на которые духовенство часто является по хозяйственнымъ нуждамъ, и которые служатъ сборными пунктами для околка верстъ на 15—30 въ окружности. Такой первоначальный составъ періодической околочной библіотеки мы назначали бы для священниковъ глухихъ и бѣдныхъ приходовъ, для священниковъ, въ отношеніи къ которымъ и 20 руб. человѣкъ на 10—15 составятъ чувствительное матеріальное пожертвованіе въ пользу самообразованія. Священники другихъ мѣстъ, по средствамъ и желанію, конечно, расширятъ объемъ библіотеки: они изъ духовныхъ журналовъ выпишутъ и «Православный собесѣдникъ», и «Христіанское чтеніе» и пр. изъ свѣтскихъ—и «Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія» и «День» и «Московскія вѣдомости» и т. п. Что касается изданій не періодическихъ, сочиненій отдѣльных, — священники глухихъ и бѣдныхъ приходовъ будутъ приобрѣтать книги, или ближайшимъ образомъ

относящіяся къ обязанностямъ ихъ служенія, въ родѣ «Домашнихъ наставленій пастыря», или такія, въ которыхъ раскрываются важнѣйшіе вопросы общественной жизни, въ родѣ «Русской правды и Польской кривды». Священники достаточныхъ окололковъ къ такимъ сочиненіямъ станутъ прибавлять и книги, которыя, хотя очень желалось бы видѣть каждой священнической библіотекѣ, но которыя, при недостаткѣ средствъ, не могутъ быть выписаны священниками очень бѣдными,—книги въ родѣ «Въ защиту русскаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій».

Когда читать священнику? Въ часы и минуты, свободные отъ занятій по долгу и хозяйству, а такихъ часовъ и минутъ у cadaго священника найдется достаточно. Дѣло непрерывнаго пастырскаго самообразованія не предполагаетъ необходимости—только читать и читать, въ ущербъ прямымъ пастырскимъ обязанностямъ, подобно неразумному школьнику, который, подъ вліяніемъ дѣтскаго ревнованія, не расстаётся съ книжкой во вредъ здоровья и умственной свѣжести, требующей отдохновенія. Если даже сутки или двое выпадутъ у священника такихъ, что онъ не найдетъ возможности почитать, отъ этого не пострадаетъ его умственная дѣятельность, лишь бы съ наступленіемъ свободныхъ минутъ священникъ спѣшилъ пользоваться ими для чтенія. Случается слышать отъ священниковъ отзывъ, что сложность занятій пастырскихъ и хозяйственныхъ вовсе не даетъ имъ свободнаго времени, а если и представится иной разъ часокъ свободный, его невольно посвятишь отдыху. Позволяемъ себѣ замѣтить, что этотъ отзывъ не выдержитъ и самаго снисходительнаго анализа. Священниковъ—земледѣльцевъ у насъ не много, потому что большинство отдаетъ землю прихожанамъ въ наемъ; да и священникъ-земледѣлецъ, если бы захотѣлъ, нашелъ бы свободныя минуты для чтенія не только зимой, а и лѣтомъ: находятъ же по-не-малу такихъ минутъ грамотники-простолюдины, проводя ихъ въ

чтеніи, какъ въ отдыхѣ. И священникъ-земледѣлецъ, если онъ не отучилъ себя отъ чтенія, не разнакомился съ умственной работой, всегда найдетъ въ чтеніи отдыхъ послѣ самыхъ трудныхъ и продолжительныхъ работъ. А священникамъ—не земледѣльцамъ, по собственному признанію многихъ изъ нихъ, большей части будняго дня и дѣвать некуда. Возьмемъ одинъ изъ такихъ дней и сдѣлаемъ, по произволу, летучій очеркъ того, какъ сельскій священникъ распредѣляетъ въ подобный день свои умственные занятія. Послѣ утреннихъ молитвъ—чтеніе библіи; за чаемъ, если священникъ имѣетъ обыкновеніе пить его и въ будни,—чтеніе свѣтской газеты; передъ завтракомъ и обѣдомъ—чтеніе духовнаго журнала; за вечернимъ чаемъ—опять свѣтская газета; время послѣ чаю и короткой прогулки до ужина отдается работѣ по тому предмету, которымъ священникъ занимается въ данную пору преимущественно, наприм., по изученію раскола, по составленію катихизическихъ поученій, по трудамъ для духовной литературы и проч.; послѣ вечернихъ молитвъ, передъ сномъ—опять чтеніе библіи. Само собою разумѣется, требы и другія личныя, хозяйственныя обстоятельства могутъ измѣнять ходъ умственныхъ занятій, примѣрно обозначенный нами выше; но вѣдь мы имѣли въ виду день, совершенно свободный отъ требъ и хозяйственныхъ дѣлъ, день, какихъ не мало бываетъ у сельскаго священника, и въ какіе онъ или не знаетъ, что дѣлать, или чувствуетъ тяжелую муку праздности, если не привыкъ къ систематической умственной работѣ въ извѣстныхъ размѣрахъ, если не привыкъ къ чтенію, сочиненію.

Возвращаемся къ рѣчи о вліяніи современной литературы на пастырское самообразование сельскихъ священниковъ. Мы выше замѣтили, что знакомство съ нею опредѣлитъ для священника многіе предметы пастырскаго разумѣнія и практически-пастырской дѣятельности, о которыхъ безъ того священникъ имѣлъ-бы или неполное или неправильное, во всякомъ случаѣ, недостаточное понятіе.

Теперь намъ очень хотѣлось бы разяснить то, какъ, подъ вліяніемъ литературы, происходитъ или можетъ произойти перемѣна нѣкоторыхъ, именно недостаточныхъ въ отношеніи къ истинѣ, взглядовъ священника,—его переубѣжденіе, зависящее отъ умственного саморазвитія: но мы съ сожалѣніемъ чувствуемъ, что, взявшись за это дѣло, мы не ушли бы дальше теоретическихъ соображеній и намековъ, вѣрныхъ психологически и осуществимыхъ на практикѣ, а все таки лишенныхъ наглядной обрисовки предмета. И такъ, уклоняясь отъ личныхъ разсужденій касательно процесса пастырскаго саморазвитія при помощи чтенія, размышленія и прислушиванія къ текучей литературѣ, мы спѣшимъ предложить читателямъ живой рассказъ объ этомъ предметѣ одного изъ сельскихъ священниковъ. Этотъ священникъ признается, что онъ пять лѣтъ сельскаго пастырскаго служенія провелъ, по неопытности, въ безплодныхъ, хоть и горячихъ и добросовѣстныхъ, трудахъ, потомъ, отчаявшись въ успѣхѣ своей дѣятельности, потерялъ всякую энергію, отказался отъ усилій, ограничился однимъ формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и, такъ какъ у него много оставалось свободного времени, началъ искать развлеченія въ чтеніи и размышленіи.

«Чтеніе сдѣлалось для меня необходимымъ», рассказываетъ священникъ далѣе. «Вамъ, можетъ быть, странно слышать такое признаніе съ моей стороны въ томъ, что, кончивши семинарскій курсъ и даже пробывши пять лѣтъ священникомъ въ селѣ, я какъ будто незнакомъ былъ съ удовольствіемъ и пользою для священника слѣдить за литературою. А между тѣмъ дѣло было именно такъ. Разставшись съ школьными учебниками и сдѣлавшись сельскимъ священникомъ, я со всеѣмъ жаромъ юныхъ силъ отдался новой пастырской дѣятельности и хлопотамъ объ устройствѣ своего семейнаго положенія, и, хотя сознавалъ теоретически и нужду и пріятность въ чтеніи чего нибудь, особенно въ чтеніи чего нибудь живаго

и современнаго, однако не чувствовалъ ни сильнаго расположения, ни сильной надобности привести это желаніе въ исполненіе, и въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ священства, кромѣ требника, богослужебныхъ книгъ, святцъ, четь-миней, да изрѣдка губернскихъ вѣдомостей, которыя у насъ разсылаются по всѣмъ церквамъ, не имѣлъ въ рукахъ рѣшительно ни одной книги; я даже, какимъ то непонятнымъ образомъ, не находилъ времени, хоть для любопытства, прочитатъ проповѣди и нѣкоторыя другія сочиненія, въ разныя времена присланныя въ церковную бібліотеку епархіальнымъ начальствомъ. Вы спросите: неужели мнѣ не приходилось заглянуть въ собранія проповѣдей, хранившіяся въ церкви, по крайней мѣрѣ, тогда, когда надобно было писать очередныя проповѣди?— Да я, по обычаю, еще въ семинаріи запасся такою тетрадю готовыхъ, оригинальныхъ или передѣланныхъ съ печатныхъ, проповѣдей, что мнѣ стало бы ихъ на цѣлую жизнь, если бы располагать ими такъ, какъ я надѣялся располагать, т. е. проповѣди, поданныя цензору, пускать въ оборотъ вторично чрезъ два—три года, чтобы цензоръ не могъ припомнить ихъ содержанія. И не подумайте, чтобы я былъ исключеніе изъ общаго правила—рѣдкое явленіе по холодности къ чтенію и проповѣднической самодѣтельности между собратами. Нѣтъ, большинство сельскихъ священниковъ такъ именно относится къ этимъ предметамъ, и чѣмъ далѣе сидитъ въ приходѣ, тѣмъ нечувствительнѣе становится къ потребностямъ и чтенія и самодѣтельности. Разумѣется, я говорю это не въ осужденіе своимъ собратамъ, а такъ—къ слову. Я очень хорошо знаю, и на себѣ испыталъ, какъ много обстоятельствъ, доводящихъ сельское священство да такой умственной неподвижности: и бѣдность и замкнутость и глухая отдаленность отъ взоровъ людей, которые могли бы осудить за умственную недѣятельность, и какая-то ложная увѣренность, что добытаго въ семинаріи—довольно на цѣлую жизнь сельскому священнику, и что ничего новаго, неизвѣстнаго, пригоднаго для пастырской дѣятельности, по окончаніи семинарскаго курса, ни въ какой кни-

гѣ онъ не встрѣтитъ... и пр. По крайней мѣрѣ, я, припоминая обстоятельства, среди которыхъ не думалъ ни о живомъ чтеніи, ни о самодѣтельности умственной, даже проповѣднической, на первомъ планѣ вижу эту ложную увѣренность. Въ послѣднее время хотѣлъ было я изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ священниковъ составить общество для выписки нѣсколькихъ духовныхъ журналовъ и хорошей газеты, по которой бы можно было слѣдить за движеніями современной жизни, но встрѣтилъ сочувствіе въ этомъ дѣлѣ только со стороны двухъ человѣкъ недавняго посвященія. Остальные священники или сухо или непріязненно встрѣчали мое предложеніе касательно выписки журналовъ и газеты, хотя нѣкоторые изъ нихъ могли бы, безъ стѣсненія себя, употребить для этого предпріятія рубл. 3—5: привыкши къ опредѣленному, однообразному кругу понятій и пріемовъ, усѣвшись, такъ сказать, на покойномъ, невозмутимо-неподвижномъ образѣ своей дѣятельности, они съ неудовольствіемъ смотрятъ на всякую, даже добровольную мѣру, которая можетъ внести какую нибудь новую, хотя бы и плодотворную, заботу въ ихъ жизнь. Теперь объясню, какъ, подъ вліяніемъ чтенія, я созналъ недостаточность нѣкоторыхъ сторонъ и пріемовъ своей пастырской дѣятельности, и какъ исправлялъ эту недостаточность.

Возьму проповѣдничество. Въ семинаріи я изучалъ го- милетику и самъ сочинялъ проповѣди, но не вынесъ от-туда истиннаго понятія о церковномъ проповѣданіи. Не трудясь на мѣстѣ писать собственныя проповѣди, я свое узкое и одностороннее понятіе о церковномъ ораторствѣ прилагалъ къ устнымъ бесѣдамъ и разговорамъ съ прихожанами, по разнымъ случаямъ пастырскихъ съ ними сношеній. И какого—вы думаете—держался я въ этомъ дѣлѣ начала, если назвать началомъ тотъ образъ рѣчи, который я примѣнялъ къ своимъ бесѣдамъ съ прихожанами? Намѣреваясь говорить о чемъ нибудь, я не столько имѣлъ въ виду сущность предмета или случая и от-

ношеніе ихъ ко мнѣ и къ лицамъ, съ коими приводилось бесѣдовать, сколько старался подобрать рядъ фразъ, удержанныхъ памятью изъ учебниковъ, и чѣмъ эти фразы были фигурнѣе, чѣмъ больше отзывались книжностью, тѣмъ довольнѣе я оставался рѣчами своими. Я чувствовалъ, что бесѣды мои не возбуждали теплаго сочувствія въ прихожанахъ, но объяснялъ это, въ рѣдкія минуты раздумья о слабомъ впечатлѣніи своихъ бесѣдъ, неразвѣтностью слушателей и ихъ неготовностью сердечно внимать наставленіямъ священника. Чтеніе статей, касающихся сельскаго проповѣдничества, раскрыло для меня недоступную до тѣхъ поръ сущность, душу и настоящій характеръ церковнаго ораторства. Я увидѣлъ ошибочность прежняго своего взгляда и прежняго дѣла,—я понялъ, что основою убѣдительности наставленій служатъ полное знаніе предмета рѣчи, сердечное проникновеніе и искреннее одушевленіе имъ, и что, такъ называемое, краснорѣчіе только тогда будетъ и истинно и дѣйствительно, когда состоитъ не въ подборѣ фразъ, а въ теплой, задушевной и безыскусственной передачѣ собственныхъ ощущеній и мыслей, возбуждаемыхъ предметомъ или случаемъ. И что же? Прежде разговоры съ прихожанами объ обыденныхъ предметахъ были для меня стѣснительны, потому что я силился сообщить имъ возвышенный тонъ, а собесѣдованія о религіозныхъ предметахъ тяжелы и затруднительны, потому что всегда стоили мнѣ напряженныхъ, искусственныхъ полетовъ за фразами: теперь же бесѣда съ прихожанами о вѣрѣ-ли, о жизни-ли сдѣлалась отрадною и усладительною пищею души. Я не придумываю тона для рѣчи, не гоняюсь за словами, а размышляю о предметѣ и проникаюсь имъ, и въ сужденіяхъ о немъ или развитіи его, даю слушателямъ то, что есть на мысли и въ сердцѣ, даю въ тѣхъ формахъ слова, въ какихъ мысли и чувства стремятся обнаружиться сами собою, безъ всякаго насилуванія ихъ книжными оборотами; и, не въ похвальбу сказать, часто испытываю во время собесѣдованій съ прихожанами отраду и удовольствіе, которыя доставляютъ мнѣ ихъ вниманіе и пониманіе рѣчи.

Но не солгу: это далось мнѣ не вдругъ. Года два трудился я надъ осмысленнымъ повтореніемъ богословскихъ наукъ, пройденныхъ въ семинаріи, надъ чтеніемъ библіи, четь-миней, православнаго катихизиса, печатныхъ проповѣдей преосв. Иннокентія и друг. авторовъ: и только послѣ этого мало—по малу сталъ овладѣвать искусствомъ живаго, свободнаго и простаго слова, т. е. только тогда, когда привелъ въ сознаніе и снова прочно вложилъ въ свое сердце содержаніе православной вѣры и нравственности, о которомъ приходится говорить съ прихожанами, и которое для размышляющаго священника освѣщаетъ и уясняетъ многіе вопросы даже чисто житейскаго характера, многія случайныя и до безконечности разнообразныя явленія семейнаго и общественнаго сельско—приходскаго быта.... Настоящее проповѣдничество составляютъ для меня импровизаціи, которыя я предлагаю прихожанамъ съ кафедры всякій разъ, когда служу, и которыя иногда сами собою выливаются изъ души, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, во время сношеній моихъ съ прихожанами внѣ храма. Впрочемъ, надобно сказать, что церковныя импровизаціи я никогда не произношу безъ всякой подготовки: всякій разъ, наканунѣ службы, я обдумываю содержаніе бесѣды, дѣлаю нѣкоторыя справки, прочитываю кое что, оказывающееся пригоднымъ для бесѣды, и потомъ въ церкви развиваю обдуманная мысли свободно, предоставляя полную волю своему чувству и имѣя въ виду только одну удобопонятность рѣчи для слушателей.

На что ни обращаю вниманіе, все у меня въ послѣднія пять лѣтъ (въ которыя священникъ началъ и продолжалъ внимательно слѣдить за духовной и свѣтской литературой) стало иначе и все пошло успѣшнѣе. Остановлюсь-ли на самомъ способѣ совершенія службъ и требъ—прежде онъ былъ у меня не таковъ; остановлюсь-ли на обращеніи съ прихожанами и оно было другое.

Въ семинаріи я былъ юношею религіознымъ, во свя-

щенники пошелъ по призванію, и совершать какъ службу, такъ и требы старался съ полнымъ благоговѣніемъ. Но это благоговѣніе было только одной формой. Сущности, души благоговѣнія я не ощущалъ всею силою сердца, не понималъ сознательно. Благоговѣніе мое ограничивалось какимъ-то стѣснительнымъ усиленіемъ—ничего не пропустить, не торопиться, не вызвать упрековъ со стороны молящихся, но внутреннія движенія души моей не сливались ни съ службой, ни съ требой. Служба въ священствѣ была для меня почти тѣмъ же, чѣмъ классъ въ семинаріи, а треба—тѣмъ, чѣмъ была тамъ какая нибудь хлопотливая нужда по обезпеченію себя содержаніемъ. Оттого и служба меня утомляла и требы мнѣ надоѣдали. Конечно, тогда я на свое отношеніе къ церковной службѣ и требамъ смотрѣлъ не такъ: я не воображалъ, что возможно къ нимъ иное отношеніе, считалъ себя вполне исправнымъ не формально только, но и существенно, или лучше существенной, внутренней исправности и не подозревалъ, не имѣя объ ней настоящаго понятія; а въ не спокойномъ настроеніи духа, въ утомленіи службой или требой я винилъ непріятности, которыя терпѣлъ отъ прихожанъ, и т. п. Нынѣ же служба составляетъ для меня усладительную бесѣду съ Богомъ, въ которой все существо мое сливается съ содержаніемъ многознаменательныхъ дѣйствій службы, а требы представляются мнѣ поучительными случаями проникать въ различныя таинства человѣческой жизни и ея потребностей. Разумѣется, бывають времена, что или передъ службой или во время службы на меня нападаетъ духъ унынія или разсѣянности, но тѣмъ сильнѣе стараюсь я тогда проникнуться тайнами необъемлемаго Божественнаго смотрѣнія, олицетворяемаго въ дѣйствіяхъ службы, и тѣмъ крѣпче сливаюсь существомъ своимъ съ благодатною силою этихъ тайнъ чрезъ вседушевное ихъ созерцаніе, сопровождаемое священнодѣйственнымъ въ нихъ участіемъ. И какъ такая борьба съ уныніемъ и разсѣянностью, побѣждаемая усиленіемъ душевной бодрости, подкрѣпляемой благодатію,—какъ широко она раскрываетъ смыслъ божественныхъ

службъ, котораго вѣками не исчерпаешь,—какъ очищаетъ она душу, какъ разжигаетъ любовь къ Спасителю и ближнимъ, какъ умудряетъ на истину и правду! Это вообразить можно, только испытавши подобное состояніе, а рассказать это—и умѣнья не достанетъ. Опять случается и то, что къ требѣ приглашаютъ изъ—за веселья съ гостями, изъ—за увлеченнаго занятія чтеніемъ или какимъ нибудь дѣломъ дома; инстинктивное чувство неохоты пробѣгаетъ по существу темнымъ облакомъ недовольства: но я въ такихъ случаяхъ тѣмъ поспѣшиѣе иду совершить требу и тѣмъ настойчивѣе погружаюсь чувствомъ и мыслью въ ея содержаніе. А вѣдь какой глубокой смыслъ въ каждой требѣ! Вотъ нужно дать молитву новорожденному. Прочитайте то, что въ этомъ случаѣ читается по уставу церкви, прочитайте со вниманіемъ: и вы увидите въ обыкновенномъ случаѣ—появленіи на свѣтъ младенца—великое таинство его происхожденія и назначенія, его грѣхопаденія и искупленія, его животной ничтожности и богоподобной высоты по духу и по цѣли бытія. Такое совершеніе еженедѣльныхъ и праздничныхъ службъ и почти постоянныхъ требъ поддерживаетъ во мнѣ истинно—пастырское настроеніе духа, по которому я не чувствую ни труда, ни усталости,—свѣжъ мыслью и сердцемъ, и всегда могу утѣшить, вразумить, наставить прихожанъ, съ которыми вхожу въ сношенія, искреннимъ, безыскусственнымъ, но сочувственнымъ словомъ. И я теперь, съ одной стороны, опытно извѣдалъ значеніе русской поговорки: «сердце сердцу вѣсть подаетъ» по ея отношенію къ убѣдительности пастырскаго слова для прихожанъ, а съ другой стороны—ясно понялъ, что живымъ и дѣйственнымъ вопли слово пастыря можетъ быть только тогда, когда онъ всею душою сливается не только съ теоретическимъ, отвлеченнымъ пониманіемъ своего долга, но и съ практическими дѣйствіями, въ которыхъ обнаруживается исполненіе этого долга.

Настоящее обращеніе мое съ прихожанами отличается отъ прежняго, вообще говоря, духомъ любви къ нимъ,

любви отъ всего сердца, обнаруживаемой на каждомъ шагу—во всѣхъ моихъ поступкахъ, словахъ, дѣйствіяхъ и пріемахъ. И въ прежніе годы я сознавалъ необходимость любить прихожанъ, и былъ увѣренъ, что люблю ихъ. А между тѣмъ, припоминая прежнее обращеніе свое съ прихожанами, я долженъ признаться, что любовь моя къ прихожанамъ была болѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная. Я твердо былъ убѣжденъ и въ своей совершенной образованности и въ своей власти вязать и рѣшить словомъ и въ обязанности прихожанъ слѣдовать моимъ совѣтамъ неуклонно и охотно, но совершенно не умѣлъ понимать ни человѣческихъ слабостей, ни впечатлѣнія, производимаго на простыя души холодною аккуратностью и холодными внушеніями, а что всего главнѣе—не умѣлъ уважать свободы совѣсти человѣческой, по которой религиозно—зablуждающій со стороны пастыря требуетъ не упрековъ и раздражительной брани, а постоянного предостереженія, дружескаго утѣшенія, терпѣливаго, снисходительнаго напоминанія о долгѣ, внушенія истины ради самой истины, а не ради самолюбиваго раздраженія, усиливаемаго противорѣчіемъ. Мои отношенія къ православнымъ прихожанамъ были чисто официальные. Я совершалъ службы, ходилъ по приглашенію на требы, слѣдилъ строго за уклоняющимися отъ церкви и таинствъ, дѣлалъ сборы, съ исправными радушно, но неполнѣ сердечно бесѣдовалъ о ихъ дѣлахъ, неисправнымъ дѣлалъ рѣзкіе выговоры, но общіе, которые состояли въ однихъ упрекахъ, безъ дружественнаго освѣдомленія о внутреннихъ или внѣшнихъ причинахъ ихъ неисправности. Поэтому прихожане были почтительны ко мнѣ, но не имѣли ко мнѣ дѣтской привязанности (я разумѣю духовно—дѣтскую привязанность) и откровенности, нѣкоторые разрывали со мной всякую связь и вступали въ общество раскольниковъ,—и это, можетъ быть, потому, что тамъ встрѣчали больше вниманія и участія къ себѣ, не умѣя, конечно, понять духъ, тонъ и цѣль этаго вниманія и участія, а другіе хотя и не уклонялись въ расколъ, но отказывали мнѣ въ вознагражденіи за тру-

ды при сборахъ, а иногда и при требохъ. Со времени собственнаго перевоспитанія я сдѣлался внимательнѣе къ нуждамъ и потребностямъ прихожанъ, сталъ часто съ горячимъ сочувствіемъ спрашивать о ихъ бытѣ и дѣлахъ, которые сдѣлались близкими моему сердцу, совершенно оставилъ рѣзкость, но за то ввелъ въ дѣйствіе и благоразумную настойчивость. Теплое участіе съ моей стороны къ положенію прихожанъ привлекло ихъ довѣренность ко мнѣ, а строгое слѣдованіе правдѣ, хотя и снисходительное, въ рѣчахъ и поступкахъ, вызвало съ ихъ стороны уваженіе къ моей настойчивости. Крестьяне, видя мою полную готовность всегда быть полезнымъ для нихъ, начали ходить ко мнѣ за совѣтами, и мало по малу привыкли цѣнить мое мнѣніе такъ, что теперь во всякомъ важномъ дѣлѣ, особенно въ ссорѣ, которая въ прежнія времена не иначе оканчивалась, какъ суднымъ процессомъ, прежде, чѣмъ что нибудь предпринять, спѣшатъ ко мнѣ, и какъ я разсужу ихъ дѣло, такъ и улаживаютъ его, хотя иному мой совѣтъ, основанный на правдѣ, которую я разъясняю съ возможною полнотою, и очень не нравится.

Что касается прихожанъ—раскольниковъ, которыхъ прежде я только раздражалъ навязчивыми столкновеніями, придирчивыми и поверхностными собесѣдованіями, насильственнымъ требованіемъ отъ нихъ исполненія уставовъ православной церкви и жалобами на нихъ начальству,—чтеніе внушило мнѣ, что въ раскольникахъ, прежде всего, нужно уважать ихъ человѣческую свободу, по которой, имѣя искреннія убѣжденія, хотя и противныя истинѣ, они имѣютъ право жить и дѣйствовать по своему, согласно съ этими убѣжденіями. Потомъ я увидѣлъ, что для успѣха въ обращеніи раскольниковъ къ православію, надобно, уважая ихъ свободу, горячо любить ихъ, съ снисхожденіемъ относиться къ ихъ заблужденіямъ, входить въ духъ этихъ заблужденій, стараться понять ихъ основаніе и силу и найти вѣрное средство къ ихъ разсѣянію. Толь-

ко такое отношеніе къ раскольникамъ и научить истиннымъ миссіонерскимъ приемамъ въ обращеніи съ ними и расположить сердца ихъ къ обращателю. Руководясь такимъ чувствомъ, обращатель будетъ въ дѣлѣ внушенія истины заблуждающимъ соображаться не съ своими отвлеченными или односторонними взглядами, а съ существомъ заблужденія и съ характерами заблуждающихъ, будетъ въ ученіи и въ поступкахъ примѣняться къ состоянию, къ сочувствіямъ и антипатіямъ, къ желаніямъ и опасеніямъ раскольниковъ, чтобы, щадя ихъ слабости и снисходя къ нимъ, возвести ихъ къ совершенству православія—присоединить къ истинной церкви Христовой. Въ новомъ періодѣ моей пастырской дѣятельности, по отношенію къ раскольникамъ, я неотступно слѣдовалъ этимъ началамъ.

Сознавъ, что для успѣшныхъ споровъ съ раскольниками я не былъ подготовленъ, я рѣшительно оставилъ состязанія съ ними, а только сталъ ограничиваться легкими, уклончивыми разговорами, которыми старался отъ обыкновенныхъ, мелкихъ предметовъ разногласія навести раскольника на общую мысль о благоустроенности православной церкви, о научномъ образованіи ея представителей и членовъ, при которомъ трудно было бы ожидать привязанности къ заблужденію, о темнотѣ крестьянъ, въ которой они сами постоянно признаются и при которой имъ неудобно вполне разслѣдовать истину и пр. Устраняя спорный характеръ бесѣды, я старался развивать взглядъ раскольника, извлекать его изъ состоянія умственной односторонности и неподвижности, и простыми, хотя и поверхностными по отношенію къ исторической сущности заблужденія, но здравыми и приспособленными къ его умственному взгляду на вещи, замѣчаніями и соображеніями поднимать его мысль до возможности безпристрастно обсудить дѣло и понять его,—старался поднимать его мысль до своей мысли. Мнѣ случалось слышать и даже читать, что полемика нужна для начетниковъ. Не думаю: кажется, для нихъ она нужна всего менѣе, по

крайней мѣрѣ она должна занимать не первое мѣсто, если разумѣть большинство раскольническихъ начетчиковъ, съ которыми я встрѣчался. Они-то особенно нуждаются въ общеразсудочной методѣ обращенія со стороны миссіонеровъ: потому что ихъ религіозная односторонность, привязанная къ полемическимъ мелочамъ, преимущественно лишена свободнаго, христіанскаго взгляда на предметы разногласія. Сколько мнѣ даетъ чувствовать опытъ, успѣшное обращеніе производится не однимъ и не двумя приемами, всего менѣе полемическими состязаніями, а цѣлостнымъ вліаніемъ миссіонерской пастырской дѣятельности: а) искреннимъ и любвеобильнымъ обращеніемъ, сообразнымъ съ особенностями каждаго лица, требующимъ близкаго знакомства съ направленіемъ прихода, съ отношеніями православныхъ къ раскольникамъ, съ мѣстомъ, какое въ общемъ мнѣніи и въ собственныхъ глазахъ среди односельцевъ занимаетъ тотъ или другой крестьянинъ; б) умѣньемъ упрощать истину православія до того, чтобы она сдѣлалась понятною раскольнику, что возможно только при отчетливомъ пониманіи сущности раскола вообще и сущности того сектаторскаго направленія, котораго держится собесѣдникъ; в) умѣньемъ вразумить и наставить раскольника, пользуясь только тѣми случаями для религіозныхъ сношеній съ нимъ, которыя даютъ естественный поводъ къ этимъ сношеніямъ, и избѣгать въ своихъ поступкахъ и въ разговорахъ съ раскольникомъ всего унизительнаго и оскорбительнаго для него, заботясь только о томъ, чтобы посѣять добрыя сѣмена и не возмущаясь слишкомъ тѣмъ, если сѣмена эти не скоро всходятъ. Время обращенія раскольниковъ зависитъ отъ нихъ самихъ, и никакимъ миссіонеромъ не можетъ быть определено. Дѣятельность же пастыря, если только онъ—истинный миссіонеръ въ душѣ, должна быть и неутомима и терпѣлива, и покойна и упорна, и снисходительна и настойчива, гдѣ какъ нужно, но постоянно вседушевна и любвеобильна. Отъ такой дѣятельности скорѣе можно ожидать привлеченія къ нему и къ церкви заблуждающихъ, нежели отъ дѣятельности нетерпѣливой, раздражительной,

безпокойной, которая рано или поздно переходит въ совершенную апатію» (*).

Говоря выше о процессѣ пастырскаго самообразованія, мы имѣли въ виду именно то преуспѣяніе пастыря въ разъясненіи себѣ разныхъ вопросовъ пастырскаго долга, на которое въ приведенномъ разсказѣ такъ осязательно указываетъ священникъ. Этотъ сельскій священникъ, путемъ чтенія и размышленія, путемъ пристальнаго саморазвитія, произвелъ существенную перемѣну къ лучшему въ себѣ, и какъ въ учителѣ, и какъ въ священнодѣйствователѣ, и какъ въ духовномъ руководителѣ пасомыхъ. Подъ духовнымъ руководствомъ мы разумѣемъ здѣсь руководство не только примѣромъ образцовой жизни, которая составляетъ одну виѣшнюю, хотя и необходимую сторону дѣла, а главнымъ образомъ — руководство нравственное, психологическое, которое требуетъ отчетливаго знакомства съ природою души и сердца людей и съ условіями ихъ порчи и усовершенствованія. Самое высокое, самое важное примѣненіе этого духовное руководство пастыря встрѣчаетъ въ богодарованной ему власти вязать и рѣшать совѣсть людей въ таинства покаянія. Какой глубокой, какой обширной опытности требуетъ отъ пастыря обладаніе этою властію для ея употребленія на дѣлѣ, для ея приложенія къ суду, производимому имъ надъ исповѣдующимися! Кажется, ни одинъ священникъ, какъ бы онъ ни былъ преданъ своему долгу, не можетъ приобрѣсти такой опытности въ полной мѣрѣ самъ по себѣ, если не будетъ искать совѣтовъ и практическихъ указаній отсюду, и преимущественно самими же священниками вносимыхъ въ сокровищницу современной духовной литературы, если не будетъ изучать природу современныхъ людей по литературнымъ характеристикамъ свѣтскихъ произведеній, выражающихъ собою темныя или

(*) Руковод. для сельскихъ пастырей, 1863 г., № № 33 и 34.

свѣтлыя, но жизненные стремленія общества, стремленія, изъ коихъ первыя пастырь долженъ просвѣтлять, а послѣднія развивать болѣе и болѣе въ своихъ пасомыхъ.

«Образъ добраго пастыря», говоритъ св. Димитрій Ростовскій, «можно видѣть въ тѣхъ шестокрыльныхъ, четвероличныхъ, многоочитыхъ херувимахъ, которыхъ Іоаннъ видѣлъ предъ престоломъ Божиимъ» (Апок. 4, 1). По сказанію толкователей, ими изображаются какъ четыре евангелиста, такъ и пастыри церковные. Каждый изъ пастырей долженъ быть крѣпокъ, какъ левъ, трудолюбивъ, какъ волъ, милостивъ и сострадательнъ, какъ человѣкъ, богомысленнымъ умомъ высокопаренъ, какъ орелъ. О тѣхъ херувимахъ пишется, что они *исполнены суть очесъ сопреди и созади*: и пастырь долженъ быть многоочитъ, чтобы могъ видѣть все, что и для чего дѣлается. Отовсюду ему потребны тысячи очей, говоритъ Златоустъ, тысячи, потому что ему надлежитъ и овецъ пасти и заботливо смотрѣть, чтобы какой нибудь волкъ въ овчей одеждѣ не вошелъ въ стадо (бесѣд. на Дѣян.). И такъ духовному пастырю потребно имѣть во всемъ великое искусство. Несвѣдущій врачъ скорѣе повредитъ больному, нежели уврачуеъ его, неопытный кормчій скорѣе потопитъ корабль, нежели приведетъ къ пристани: такъ и неискустный пастырь больше сдѣлаетъ вреда стаду, нежели принесетъ пользы. Поэтому-то многіе, даже изъ святыхъ, уклонялись отъ пастырскаго сана. Если-жъ святые и достойные святительскаго сана избѣгали пастырства надъ человѣческими душами, — что сказать о тѣхъ, которые, не имѣя ни искусства, ни достоинства пастырскаго, ни просвѣщенія, ни добродѣтельнаго житія, съ усиліемъ ищутъ священническаго сана, употребляя къ тому святокупство?»

А еще болѣе, что сказать — прибавимъ къ рѣчи св. отца и свое слово, — что сказать о тѣхъ священникахъ, которые, нося санъ пастырства, стали бы нерадѣть объ усовершен-

ніи своего просвѣщенія?.. Вотъ и св. Димитрій смысломъ приведеннаго мѣста cadaго священника побуждаетъ непрерывно увеличивать свои знанія, непрерывно возвышать свое умственное состояніе, непрерывно учиться и учиться, чтобы дѣлаться все свѣдущѣе на томъ высокомъ постѣ, для котораго никогда нельзя сдѣлаться совершенно свѣдущимъ, но который тѣмъ достойнѣе занимается священникомъ, чѣмъ этотъ послѣдній трудолюбивѣе подвигаетъ впередъ свое просвѣщеніе, чѣмъ неутомимѣе развиваетъ себя чтеніемъ и размышленіемъ.

Отцы, братья и товарищи—сельскіе священники! Потрудитесь неизмѣнно хранить въ своемъ сознаніи и осуществлять въ своей дѣятельности мысль, что образцовую жизнь пастыря составляетъ виѣшнее и внутреннее поведеніе, опредѣляемое сердечнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій пастырскаго долга, и что такая жизнь—первое изъ двухъ главныхъ условій къ плодотворному вліянію на прихожанъ. Велика ваша бѣдность, но и высокъ вашъ санъ; бѣдность готова довести вашъ санъ до униженія, но правительство заботится дать вамъ удовлетворительныя средства содержанія, въ виду которыхъ и можно и слѣдуетъ посвятить все свои силы образцовому исполненію лежащихъ на васъ обязанностей. Потрудитесь возобновить, поддержать, двинуть впередъ свое просвѣщеніе, усилить свою умственную дѣятельность неусыпнымъ благоразумнымъ чтеніемъ, постояннымъ размышленіемъ, посильными трудами сочиненія, потрудитесь оживить и восполнить въ своемъ сердцѣ весь кругъ православнаго вѣроученія и правоученія, потрудитесь, по мѣрѣ возможности, внимательно слѣдить за литературой духовной и свѣтской, чтобы быть свѣжими людьми и современно-образованными священниками, чтобы и себя поднимать выше и выше въ дѣлѣ разумнѣя какъ явленій современной жизни, такъ и требованій пастырскаго долга и блага пасомыхъ, и паствѣ сказать всю волю *Божію* (Дѣян. 20, 27). И вы сдѣлаетесь опорой и похвалою церкви, отрадою, свѣтомъ и

вѣрнымъ руководствомъ ко спасенію для прихожанъ. А этого нетерпѣливо ждутъ отъ васъ правительство, умное русское общество, епархіальное Начальство и вся церковь Православная. Потрудитесь по чаще приводить себѣ на память, что «образцовая жизнь и непрерывное самообразование служатъ главными условіями благотворно-пастырскаго вліянія на прихожанъ.»

Пр. С.

ЗАМѢТКА

по поводу отчета публичной духовной библіотеки, учрежденной при Арзамасской Крестовоздвиженской церкви, за 1862 и 1863 годы, помѣщеннаго въ 7-мъ № Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Возможны ли у насъ публичныя *духовныя* библіотеки при церквяхъ сельскихъ и городскихъ? Что библіотеки эти *возможны*, о томъ свидѣтельствуетъ учрежденная съ разрѣшенія Нижегородскаго епархіальнаго Начальства о. Викторомъ Никольскимъ публичная духовная библіотека въ г. Арзамасѣ, при Крестовоздвиженской церкви. Безъ всякихъ фундаментальныхъ средствъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не начинается никакое предпріятіе, единственно на добровольныя, внесенныя нѣсколькими подписчиками, деньги, за расходомъ которыхъ къ концу перваго 1862 г. у ней осталось всего только 4 р. 21 к., а къ концу втораго—1863 лишь 4 копѣйки, библіотека эта успѣла просуществовать цѣлыхъ два года и, какъ видно, не теряетъ надежды на существованіе и въ слѣдующій годъ.

Стало быть, при твердой волѣ и умѣньи взяться за дѣло, можно при нашихъ городскихъ церквахъ заводить библиотеки—по крайней мѣрѣ, судя по данному факту, можно завести хотя одну духовную библиотеку на *цѣлый* городъ. Но положить начало чему либо, не значитъ еще сдѣлать все дѣло. Библиотека духовная, какъ и всякое учрежденіе, можетъ держаться долго и увеличиваться въ своихъ средствахъ тогда только, когда будетъ находить большее и большее сочувствіе къ себѣ и особенно въ тѣхъ лицахъ, въ интересѣ которыхъ полезна поддержка оной. По этому не нелюбопытно, на основаніи двухъ годовыхъ отчетовъ, представленныхъ о. В. Никольскимъ объ Арзамасской библиотекѣ, сдѣлать нѣкоторыя соображенія о томъ, какъ отнеслись къ ней мѣстные духовныя лица.

Предпринимая учрежденіе духовной, публичной библиотеки при Крестовоздвиженской церкви, о. В. Никольскій дѣйствовалъ тутъ, безъ всякаго сомнѣнія, на основаніи нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеній, выведенныхъ имъ изъ знакомства съ религіозно-нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ своихъ прихожанъ, свѣдѣній о числѣ жителей г. Арзамаса, числѣ лицъ священноцерковнослужителей и пр. Въ приведенныхъ имъ двухъ отчетахъ показана цифра священниковъ и діаконовъ, находящихся въ гододѣ Арзамасѣ, именно: священниковъ тамъ 23 чел., діаконовъ 17, сколько причетниковъ—не указано. Очень естественно, что при основаніи *духовной* библиотеки основатель прежде всего долженъ былъ рассчитывать на самыхъ же духовныхъ лицъ. При такой малой цифрѣ, за право годичнаго пользованія книгами духовно-нравственнаго содержанія, какая положена Арзамасской библиотекой, именно: съ подписчиковъ изъ духовенства—съ священниковъ 1 р. 50 к., съ діаконовъ 1 р., и причетниковъ 75 к.—весьма легко можно надѣяться, что почти всѣ лица духовнаго званія будутъ подписчиками при этой библиотекѣ. Послѣ лицъ духовнаго званія можно было ожидать большинства подписчиковъ изъ прихожанъ купе-

ческаго и мѣщанскаго сословія, потому что эти сословія отличаются любовью къ чтенію нравственно-религіозныхъ сочиненій и составляютъ большинство городскихъ обывателей и за тѣмъ конечно изъ дворянъ и чиновниковъ. Не зная количества жителей г. Арзамаса, не приводя маго и въ отчетахъ, мы не можемъ сказать какого рода тутъ могли быть соображенія, видимъ только, что большинство подписчиковъ дѣйствительно составляли купцы и мѣщане. Число всѣхъ подписчиковъ въ первомъ году было 64 чел. и денегъ отъ нихъ поступило въ библиотеку круглымъ числомъ 200 рублей. Если бы *всѣ* лица духовнаго званія согласились быть постоянными подписчиками, то сумма библиотечная, вмѣстѣ съ первоначально-собранный съ разныхъ подписчиковъ цифрѣ годового дохода, могла бы доходить до 300 рублей. Съ 300 рублей годового дохода духовная библиотека для уѣзднаго городка могла бы быть учрежденіемъ очень и очень полезнымъ. И такъ для перваго года Арзамасская духовная библиотека съ 200 рублями, на которыя было выписано 12 разныхъ журналовъ за разные годы (изъ коихъ нѣкоторыя выписаны въ двухъ экземплярахъ), и 47 книгъ разнаго содержанія, въ 73 томахъ,—была учрежденіемъ, надежды подающимъ.

Что случилось теперь съ первоначальной годовою цифрою подписчиковъ въ слѣдующемъ году? Къ сожалѣнію мы видимъ, что первоначальная цифра въ 1863 году не только не повысилась, не только не осталась, по крайней мѣрѣ, тождественною, но значительно упала. Именно: въ 1862 году всѣхъ подписчиковъ было 64 человекъ, книгъ было вытребовано изъ библиотеки 1800, въ 1863 году подписчиковъ оказывается только 46 человекъ, книгъ прочтано около 1150 томовъ; подписная сумма, превышавшая въ 1862 году круглое число 200 рублей, въ 1863 году простиралась только до 145 рублей. Еще замѣчательнѣе убыль читателей и подписчиковъ, разсматриваемыхъ по разнымъ сословіямъ. Читателей изъ духовнаго сословія

въ 1862 году было изъ 33 священниковъ 10 человекъ, изъ 17 діаконѣвъ 2 человекъ, причетниковъ 3 человекъ, всего 15 человекъ. Въ 1863 году священниковъ, участвовавшихъ въ чтеніи книгъ бібліотеки Арзамасской, было только 7 человекъ—уменьшеніе цифры еще незначительное, діаконѣвъ же и причетниковъ, кромѣ причта Крестовоздвиженской церкви, пользующагося бесплатнымъ чтеніемъ, не было ни одного. Изъ купцовъ и мѣщанъ въ 1862 году было читателей 42 человекъ, въ 1863—34 человекъ,—уменьшеніе тоже незначительное, но въ уѣздномъ городкѣ имѣеть и такой упадокъ цифры свое значеніе; изъ дворянъ и чиновниковъ въ первомъ году было 12 человекъ, во второмъ только 5 человекъ.

Рѣчь о потребности духовныхъ бібліотекъ, о полезности и необходимости знакомства съ духовной литературой для лицъ духовнаго сословія въ разныя времена самыми же этими лицами не разъ велась и ведется. Теперь, такъ сказать, абстрактная, отвлеченная идея въ г. Арзамасѣ осуществляется, *ria desideria* дѣлается фактомъ рѣшившимся. Какъ отнеслось къ этому факту арзамасское духовенство? Нельзя сказать, чтобы слишкомъ сочувственно, особенно во второй годъ. Изъ 40 человекъ священнослужителей изъявило желаніе пользоваться книгами Арзамасской духовной бібліотеки въ первомъ году 12 человекъ, а во второмъ только 7 человекъ. Отъ чего же остальные 28 человекъ не изъявили своего желанія,—если не читать, то поддержать, по крайней мѣрѣ, свою собственную бібліотеку; отъ чего во второмъ году даже изъ первоначальныхъ 12 человекъ отпало 5 человекъ? Прежде всего, конечно, является вопросъ: было ли что читать въ бібліотекѣ? На вопросъ этотъ можно отвѣчать положительно: было и есть что читать. Въдѣ въ нее выписываются почти все духовные журналы, есть и книги очень и очень стоящія чтенія. Имѣть другимъ образомъ въ своихъ рукахъ то, что даетъ бібліотека для духовенства городка уѣзднаго, можно сказать, нѣтъ никакой

возможности. Теперь другой вопросъ: могли ли лица мѣстнаго духовенства, по своимъ матеріальнымъ средствамъ сдѣлаться читателями въ своей бібліотекѣ? Какъ бы ни были малы эти средства, но отдѣлить священнику въ годъ 1 р. 50 к., діакону 1 р., причетнику 75 коп., конечно, можно. Въдѣ это приходится въ мѣсяцъ съ священника не многимъ болѣе 10 коп., съ діакона—менѣе 10 коп., съ причетника—не многимъ болѣе 6 копѣекъ. При всей возможной экономической аккуратности веденія своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ мѣсяцъ у самаго рачительнаго хозяина ускользаетъ такъ себѣ, просто ни на что 10 копѣекъ и исчезновеніе сихъ 10 копѣекъ не можетъ имѣть разрушительнаго вліянія на самое ограниченное хозяйство. Такъ чѣмъ же объяснить то явленіе, что изъ числа 40 человекъ священнослужителей только 12 человекъ изъявили желаніе быть подписчиками при своей духовной публичной бібліотекѣ? Если бы намъ были известны статистическія цифры, показывающія степень образованія разныхъ лицъ Арзамасскаго духовенства, количество лѣтъ ихъ, продолжительность служенія и пр., то мы могли бы, конечно, представить довольно близкое къ истинѣ объясненіе того, почему такъ немногіе изъ нихъ приняли участіе въ поддержаніи Арзамасской, публичной духовной бібліотеки. Не имѣя подъ руками свѣдѣній касательно сихъ предметовъ, скажемъ лучше о томъ, отъ чего мы обратили вниманіе на отчетъ этой бібліотеки и что возбуждаетъ въ насъ сочувствіе къ положенію оной?

Насколько важно для каждаго городка существованіе вообще публичной бібліотеки въ интересахъ распространенія умственнаго образованія въ жителяхъ его, настолько важно въ видахъ религіозныхъ существованіе собственно духовной бібліотеки. Лицъ, желающихъ поближе познакомиться совсѣмъ тѣмъ, что относится къ церковнымъ учрежденіямъ, догматамъ нашей вѣры и пр. въ приходѣ всякой церкви навѣрно отыщется не мало. Мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, очень многихъ любителей ду-

ховнаго просвѣщенія изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія въ городахъ преимущественно. Большею частію русскіе люди питаютъ благоговѣйное чувство ко всему, что относится къ церкви, не будучи въ состояніи ясно представить себѣ смысла и значенія всѣхъ церковныхъ учрежденій. На священникахъ, конечно, лежитъ непосредственная обязанность религіознаго образованія своихъ прихожанъ. Чѣмъ могутъ они достигать этой цѣли? Проповѣдями своими, домашними разговорами о предметахъ вѣры и пр. Но во первыхъ, содержаніемъ проповѣдей нашихъ исключительно почти служатъ разныя нравственныя назиданія, относящіяся къ практической дѣятельности, — объясненія съ церковной кафедры церковныхъ учрежденій и догматовъ вѣры — катихизическія бесѣды, проносятся у насъ рѣдко; бесѣдовать съ своими прихожанами въ домахъ ихъ о разныхъ религіозныхъ вопросахъ — священникъ также не можетъ во всякое время; почитать книгъ самому — не всякому легко. Такимъ образомъ любители духовнаго просвѣщенія должны имѣть у себя подъ руками возможность — удовлетворять доброй потребности своей, и доставленіе такой возможности должно лежать на совѣсти всякаго добраго пастыря. Имѣть домашнюю довольно — большую бібліотеку изъ книгъ религіознаго содержанія и снабжать изъ ней своихъ прихожанъ также трудно многимъ священникамъ, стало быть, чего же лучше существованія публичной духовной бібліотеки, подерживаемой общими усиліями? Пробуждая въ своихъ прихожанахъ любовь къ духовному чтенію, священникъ тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ себѣ и дѣлаетъ себя для нихъ необходимымъ не только въ случаяхъ исправленія церковныхъ требъ, чѣмъ большею частію и оканчиваются взаимныя отношенія между священноцерковнослужителями и прихожанами ихъ, — но постоянно и разумно. Потому-то мы и желали бы, чтобы дѣло, начатое о. В. Никольскимъ, не разстроивалось съ теченіемъ времени, а устроялось все больше и больше; и прежде всего нашло себѣ въ самомъ же духовенствѣ гораздо большее сочувствіе, чѣмъ какое было оказано ими въ прошедшемъ

году. Открытіе въ одномъ мѣстѣ публичной духовной бібліотеки и хорошее состояніе оной могло бы служить хорошимъ и побудительнымъ примѣромъ и для другихъ городовъ, тогда какъ неудача этаго дѣла въ одномъ мѣстѣ можетъ парализовать добрыя намѣренія, зараждавшіяся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Всякое предположеніе какаго нибудь новаго и полезнаго учрежденія встрѣчается у насъ обыкновенно съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и колебаніемъ, которыя переходятъ въ положительную не охоту начинать какое нибудь предпріятіе, если гдѣ нибудь встрѣтитъ оно неудачу.

Нижегородское епархіальное начальство признало открытіе при Арзамасской Крестовоздвиженской церкви публичной духовной бібліотеки священникомъ В. Никольскимъ вполне достойнымъ вниманія и полезнымъ для причта и прихожанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложило священноцерковнослужителямъ другихъ уѣздныхъ городовъ и торговыхъ сель, существующихъ на правахъ городскихъ, не пожелаютъ ли и они у себя по примѣру г. Арзамаса учредить духовную бібліотеку, для чего и препроводила къ нимъ проектъ, составленный священникомъ В. Никольскимъ. Было бы очень желательно, чтобы это предложеніе епархіальнаго начальства было принято нашими священноцерковнослужителями, и чтобы они, по примѣру о. В. Никольскаго, позаботились объ отысканіи средствъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это возможно для открытія публичныхъ духовныхъ бібліотекъ. Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденнымъ 14-го іюля 1864 года, въ завѣдываніи этими училищами духовенству русскому предоставлено очень важное и видное мѣсто. Значитъ наше Правительство вполне вѣритъ въ способность и готовность нашего духовенства распространять истины нравственности, и мы можемъ сказать, судя по извѣстіямъ, доходящимъ до насъ съ разныхъ сторонъ, что духовенство заявило свою ревность въ дѣлѣ образованія народнаго. Думаемъ, что съ такою же ревно-

стію и съ такою же пастойчивостію оно будетъ содѣйствовать всему, что споспѣшествуетъ распространенію нравственно—религіознаго образованія, распространеніе котораго полезно духовенству между прочимъ въ видахъ его же собственнаго матеріальнаго благосостоянія. Чѣмъ нравственнѣе и религіознѣе будетъ народъ, тѣмъ больше онъ будетъ уважать своихъ пастырей, а чѣмъ онъ больше будетъ уважать своихъ пастырей, тѣмъ сочувствениѣе станетъ относиться онъ къ ихъ положенію.

Редакторы: И. Тихонравовъ и Г. Полисадовъ.

Дозволено цензурой. 24-го Октября 1864 года Цензоръ Каѳедрадьный протоіерей Константинъ Милови доовъ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.